

Настоящее исследование стремится предложить социологическую трактовку современных кинообразов, обозначив смысловые, художественные, идеологические, дискурсивные возможности российского кино в конструировании представлений о советской космонавтике. В рамках исследования представляется необходимым реконструировать ключевые культурные мифы и дискурсивно-риторические стратегии кино(ре)презентации событий советской космонавтики, а также выявить механизмы перекодирования «следов» советского космического прошлого и культурного производства новых значений в современном смысловом контексте.

Обзор литературы

Постановка вопроса об образах прошлого в конкретных практиках и обществах идейно вписана в широкое междисциплинарное исследовательское поле *memory studies*, которое в первую очередь связано с именами М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана, П. Хаттона [5]. Возросшая популярность обращения к проблемам восприятия исторических событий и памяти породила большое количество терминологических, концептуальных и конкретно эмпирических наработок, которым недостает интегрированности и теоретической строгости. По-прежнему одной из острых проблем в данной области является переосмысление центральных понятий, в том числе имеются значимые разногласия по поводу понимания различных «памятей» – коллективной, социальной, культурной, исторической [6–8]. Поскольку дискуссии о научном содержании соответствующих понятий выходят за рамки данной статьи, позволим себе ограничиться констатацией многообразия позиций и противоречий социогуманитарного дискурса о памяти. Для целей настоящей работы лишь зафиксируем в общем виде, что память подразумевает способ конструирования людьми своего прошлого. Более важно, на наш взгляд, сделать акцент на усиливающейся медиатизации памяти в эпоху распространения массовой культуры и развития коммуникационных технологий [9]. В таком ракурсе исследование памяти ориентировано на изучение *репрезентаций прошлого* и его конструирования через медиа памяти. Формирование особой *media memory* связано с все большей интеграцией повседневности и медиа, благодаря которой медиаконструкции прошлого становятся частью воспоминаний человека, заполняя индивидуальную память коллективно-разделяемыми представлениями, опосредованными циркулирующими в медиакультуре символическими канонами и культурными конструкциями [10].

За последние годы появилось немало конкретных исследований, демонстрирующих конструктивные возможности различных медиа в формировании образов прошлого. В рамках исследования мы обращаемся к кинематографу, ко-

торый вносит существенный вклад в мемориализацию различных событий прошлого [11]. Социально-эстетический и информационно-познавательный потенциал кино превращает его не просто в транслятор разнообразной историко-событийной информации, но в специфический способ осознания истории, который способствует «художественному переоткрытию» прошлого и его мифологизации. Соглашаясь с утверждениями о том, что у памяти отсутствует объективное измерение как таковое, кинофильм как специфический исторический источник [12] следует рассматривать не в контексте соответствия исторической правде, а как культурный продукт, предлагающий попытку схватить художественными средствами интерпретации прошлого, «витающего в воздухе» [13].

В свете этого актуализация «космического кино» как средства репрезентации событий советского прошлого связана с возрождающимся общественным интересом к теме освоения космоса, который делает востребованным память о космической гонке эпохи Холодной войны не только в плоскости конкретных исторических сюжетов, но и в контексте устойчивых символов, нарративов и мифов того времени. Анализ научной литературы позволяет говорить о формировании исследовательского поля, центрального на обсуждении исторических, культурных и социально-политических аспектов космической программы, а также связанных с космосом культурных артефактов, таких как комиксы, кинематограф, памятные вещи и т. д. [14, 15]. Наиболее распространенным является подход с позиций истории культуры – анализ того, как это *было* в советский период, в том числе в документах того времени. К современным репрезентациям исследователи в основном обращаются в залоге «постсоветского» как реакции и пролонгации символических практик, оформленных советской культурой. Кроме того, несмотря на, казалось бы, широкие возможности кинематографа для создания «космических сюжетов» и распространенность аудиовизуального материала, соответствующий научный дискурс остается фрагментарным. Так, исследователи, основываясь на достаточно узкой выборке материалов, хронологически ограниченной началом 2000-х (фильмы «Бумажный солдат» (2008, реж. А. Герман мл.), «Космос как предчувствие» (2005, реж. А. Учитель), «Первые на Луне» (2005, реж. А. Федорченко)), в осмыслении постсоветских кинорепрезентаций прошлого преимущественно сфокусированы на следующих аспектах: переплетение космической истории вокруг нескольких ключевых личностей; (пере)оценка первых лет полета человека в космос (так называемой «зари космической эры»); характер и функции кинообразов о советской космонавтике на постсоветском пространстве [16–19].

Таким образом, изучение практик памяти, связанных с кинорепрезентацией советской кос-

монавтики, представляет аналитический интерес в связи с напряжением между их недостаточной изученностью и востребованностью и идейной нагруженностью темы освоения космоса в общественном сознании.

Методы исследования

Стремясь предложить интерпретацию социокультурных механизмов воспоминаний и забвений советского космического прошлого в пространстве современного российского кино, настоящая работа опирается на подход нарративной семиотики в раскрытии содержательно-смысловой сферы фильма и анализе его образной системы и выразительных средств. Учитывая сложное идейное, идеологическое, символическое наследие темы освоения космоса, методология исследования дополнена дискурс-анализом, который позволяет сделать акцент на многообразии социальных условий создания и закрепления значений, которые транслируются в рамках памяти, выраженной аудиовизуально.

Результаты и дискуссия

Анализ современных российских кинорепрезентаций советской космонавтики позволяет выделить – со всей мерой условности идеальных типов – два фрейма кинопамяти, демонстрирующих специфические модели символической работы с прошлым. Художественные интерпретации, предложенные в фильмах «Гагарин. Первый в космосе», «Главный», «Время первых», предстают как историко-биографические. Такое их определение фиксирует не только жанровые характеристики фильмов, но и особые механизмы конструирования истории. В рамках данного фрейма производится кинематографическое видение истории советского освоения космоса как *истории отдельных личностей*, проблематизирующей человека в контексте исторических испытаний.

«Человекомерность» космоса в пространстве фильмов решается благодаря введению двух героических образов – космонавта и главного конструктора. Прототипически образ космонавта связан с личностями Ю. Гагарина, Г. Титова, А. Леонова, П. Беляева, однако в механике кинопроизводства он мифологизируется, лишается индивидуальных черт, представляя зрителю универсальный символ безграничного человеческого потенциала, возможного благодаря бесстрашию и позитивному жизнеутверждающему настрою. Космонавт как советский герой показан типичным пассионарием, энергичным, активным, эмоциональным, испытывающим внутреннее стремление к деятельности, направленной на реализацию суперважной, далекой цели. Его образцовая мужественность представлена не только физическими стойкостью, но и моральными и личностными качествами, такими как сила духа, чувство долга, готовность совершить подвиг, пожертвовав собой ради служения родине и идее. Еще один специфический образ героя космической программы Со-

ветского Союза изображает С. Королева, «отца-основателя» советской космонавтики. Его эпическая биография затмевает упоминания о многих других личностях. В фильмах он предстает как титаническая фигура, человек, бескомпромиссно приверженный безопасности и в одиночку сопротивляющийся административному давлению. Главный конструктор часто не следует инструкциям, не принимает чужих мнений, однако его провидческое чутье позволяет всегда принимать верные решения. Кроме того, космонавты и конструкторы показаны в повседневной жизни как обычные люди и примерные семьянины, что придает образам утопические черты.

Обращаясь к идейно-символическому содержанию кинопамяти, отметим, что в фокусе данных фильмов находятся так называемые «первые достижения» космической эпохи – первый запуск спутника, первый полет человека в космос, первый выход человека в открытый космос. Они показаны как «исключительные» события, не вписывающиеся в повседневный ход советской жизни. Их особое идеологическое качество представлено через непрерывное введение в кинонаративы персонажей, осуществляющих постоянный контроль, а также демонстрацией напряженного баланса между советской космонавтикой как публичным пространством событий и сферой государственной тайны. Космос в художественном историческом кино является влиятельной эмблемой научно-технологического оптимизма, выражая веру в безграничные возможности человека в прогрессивном преобразовании окружающего мира. Несмотря на то что контекстуальная матрица кинореальности задана ситуацией Холодной войны и космической гонки, кинематографическими «героями» истории советской космонавтики руководят не мотивы политического, технологического господства, а иррациональное упорство, слепая вера в необходимость продолжать работать для достижения успеха.

В историко-биографический фрейм кинопамяти вписана установка на достоверность в передаче событий из истории советской космонавтики, точность и аутентичность, которые достигаются через активное привлечение свидетельств прошлого. Нередко создатели фильмов обращаются к коммуникативной памяти – историческому опыту индивидуальных биографий участников космической программы и их близких, например, в рамках сотрудничества с летчиком-космонавтом СССР А. А. Леоновым, доктором медицинских наук, профессором Н. С. Королевой. Зрители фактически становятся свидетелями кристаллизации опыта непосредственных участников событий в мифы памяти «многих». Кроме того, фильмы активно вписываются в существующую символическую канву через особые культурные скрепы вроде посвящений юбилейным датам. Например, телепремьера «Гагарин. Первый в космосе», первого фильма-биографии о Юрии

Гагарине, на который дала согласие семья космонавта, состоялась 12 апреля 2014 г. [20]. Подобные даты и юбилеи, как и другие значимые праздники, интенсивно и концентрированно актуализируют прошлое и задают способы его сохранения в коллективной памяти, предоставляя сообществу (в нашем случае – зрителям) возможность самоидентификации и социокультурной интеграции.

Использование выразительных средств кинематографа также придает особый «исторический дух» кинокартинам данного типа. В них благодаря визуальным (цвет, композиция) и звуковым (советские песни; диететические звуки, часто исходящие из радиопередатчиков; героическая вдохновляющая тема как лейтмотив кинокартин) эффектам создается идиллический образ, воспринимающийся стилистическим намеком на соцреалистическую традицию советского кинематографа. Динамично эксплуатируются условности документального фильма: прерывистость и «ветхость» съемки, черно-белые кадры, включение хроникальных фото и видео.

Таким образом, современное российское кино на тему космоса тиражирует патриотический мемориальный «мемориальный продукт», который транслирует статичное идейно-ценностное содержание. «Героические» образы, трансформировавшиеся в самореферентные мифы, приобретают свойство культурного стереотипа, лишаясь аффективного заряда. Строгое соблюдение достоверности и убедительности изображаемых на экране событий порождает «неуверенные» реакции зрителей на подобные кинообразы прошлого. Хотя отзывы, доступные на кинопорталах, как таковые не являлись предметом внимания данной статьи, обращение к ним позволяет резюмировать ту символическую работу, которую историко-биографические киноповествования о советской космонавтике выполняют в современной культуре. Так, культура памяти, навязываемая кинематографистами, не отвечает художественным и социальным идеалам зрительского видения исторической реальности и вызывает сопротивление тактикам такой кинопрезентации: *«создатели фильма решили снимать строго про удивительного, необычного, лучшего на свете Гагарина, покорившего космос. И об эту свою ошибку споткнулись. Потому что вместо героя страны – сняли кино про героя без страны»* [21]; *«чувство, что ты смотришь фильм, снятый во жесточайшей цензуры времен СССР и снятый по гос-заказу, а потому донельзя выхолощенный, не отпускает. Уже слишком штрих-пунктирным предстает перед нами жизненный путь Сергея Павловича Королёва. Он безупречен и неуязвим в каждом кадре. <...> В итоге и получилась агитка из Советских времен. Человек без личной жизни, без слабостей, а лишь безупречно преданный своему делу»* [22]. Художественный исторический фильм о космосе становится не только постпамятью,

но и контрпамятью зрителей. Обобщая, в историко-биографическом кино космос предъясняется с неизменным нормативно-этическим месседжем как один из устойчивых компонентов «триумфального» нарратива памяти о советском прошлом.

Современное российское кинопроизводство предлагает еще один фрейм памяти, в котором усиленная фикционализация образов прошлого на фоне правдоподобного показа исторического времени приводит к высвобождению и переосмыслению символических значений, придаваемых советской космической программе. В результате появляются интерпретации с приставкой анти-, но не в смысле противопоставления, а «вместо» и «вопреки». Фильмы предъясняют антитриумфальные, часто антиутопические кинонарративы, в которых происходит инверсия ценностно-смыслового содержания ключевых символов и дискурсов советской космической идеи. Они пронизаны духом отказа от стереотипов идеализации истории на экране, и это в первую очередь выражено в неоднозначных отношениях с историческим дискурсом и свидетельствами прошлого. Фильмы обращаются к реальным событиям и историческим артефактам. Так, фильм «Салют-7» (2017) – воплощенная киноверсия реальных событий советской космической программы, произошедших в 1985 году, когда из-за потери связи с космической станцией «Салют-7» на орбиту отправили космонавтов В. Джанибекова и В. Савиных. При производстве фильма создатели картины опирались на автобиографическую книгу последнего «Записки с мертвой станции». Кроме того, кинопроизводители стремились аутентично передать события, привлекая в качестве консультантов специалистов ракетно-космической отрасли и космонавтов, в качестве мест для съемок выбирая здания и места, которые гармонично соответствуют обстановке инженерно-конструкторских разработок [23], используя настоящий реквизит того времени или изготавливая его практически с полным соответствием [24]. Однако создатели кинокартин изначально выходят за ограничивающие рамки достоверности и исторической точности: *«Все-таки мы снимали не документальное кино, а жанровое. Это космическая катастрофа. И конечно, здесь возможен символизм, метафоричность и некоторые преувеличения для визуальной выразительности»* (продюсеры «Салют-7» Ю. Мишкинене и Б. Бакурадзе [25]); *«Мне кажется, что советская космонавтика – очень классный пласт нашей истории и вкусная фактура. Мы создали реалистичную фантазию на тему того, что могло бы случиться. У нас даже военная форма у солдат вымышленная. А в нашем офисе для ориентира висела табличка: “Мы не снимаем историческое кино!”»* Это был такой микролозунг, который развязал нам руки» (режиссер «Спутника» Е. Абраменко [26]). В результате кинопамять превращается в мифозрелище, близкое по содержа-

тельным и стилистическим чертам мейнстриму. Ориентируясь на коммерческий успех и пытаясь представить монотонные будни космонавтики более зрелищными, создатели фильмов активно применяют современные технологии (компьютерная графика, IMAX 3D и др.), запечатлевают эпические масштабные сцены. Такой вектор «работы» памяти создает в плане зрительской рецепции эффект двойничества, когда российские фильмы рассматриваются как аналоги более успешных зарубежных фантастических фильмов на космическую тему («Салют-7» называют «русской “Гравитацией”», для «Спутника» часты сравнения с «Чужим», «Прометеем»). Несмотря на предполагаемую историчность фильмов реализуемая установка на облегченное отношение к прошлому становится местом жесткой критики как со стороны представителей космической отрасли, так и со стороны критиков и зрителей.

Предпринятая кинематографистами «ревизия» дискурса памяти стала возможной благодаря *событийному* пониманию истории советской космонавтики и обращению к «невитринным» и даже маргинальным ее видениям и сюжетам, например, демонстрируя «изнанку» «секретности» космической деятельности. «Альтернативность» кинорепрезентации обращена не к советской космической программе как таковой, а к порожденным воспоминаниям и мифам о ней. Фильмы интерпретируют космические достижения скептически-разочарованно или иронично, скептически переосмысливая последствия космических проектов. В связи с этим космическое кино предьявляет зрителям не героически-триумфальную историю космоса, а ситуации противоречий, ошибок и неудач. Происходит изменение общих ценностно-смысловых координат фильмов: дискурс прогресса вытесняется дискурсом кризиса, который ставит под сомнение технологические футуристические устремления и проявляет неоднозначность общественного развития и человеческих отношений.

В таком семантическом пространстве разворачивается культурный механизм остранения, работающий на нарушение привычных этических норм. В киноинтерпретациях происходит подрыв многих устойчивых представлений о космонавтах. Зрителю показан ненормативный космонавт, который становится трансгрессивным Другим повседневности, не имея возможности вписать специфический опыт и самопонимание, полученные в космосе, в круг обязанностей обычного гражданина и семьянина. На орбите не выполняет команды, неоднократно нарушает инструкции. Кинонарративы семиотически скрепляются измененными состояниями сознания: алкоголь и сигареты становятся необходимыми триггерами социально-психологических обстоятельств встречи с космосом. Образ «главного конструктора» также испытывает трансформации – он становится своего рода антиподом Королева. В од-

ной из версий он предстает как непоследовательный, эмоциональный и импульсивный, не имеющий абсолютного авторитета среди команды, ставящий под угрозу жизнь и здоровье космонавтов, находящихся на орбите, в другой – как агрессивный, властный и антигуманный человек.

Космос из успешного рационально обоснованного технологического проекта превращается в поле антагонизмов, в арену иррациональности и мистического опыта. Исторически первый полет задал риторику покорения космоса, сделав человечество единоличным властителем космического пространства. В кинологике устойчивый троп «одиночкой» Земли разрушается кинематографической встречей с радикальным Другим современного (западного) воображения – формами внеземной жизни. Дискурс катастроф оформляет диегетические происшествия, которые становятся триггером травматического опыта, как коллективного, так и индивидуального. Кинематографические события, угрожающие героям и обществам потерей идентичности, рефлексивно проблематизируют вопросы человеческой природы и культуры.

Таким образом, символическая поэтика фильмов о советской космонавтике, предлагающих критический взгляд на историю, ее «альтернативно-фантастическую» версию, провоцирует изменение отношения к считавшимся незыблемыми коллективным ценностям и идеалам, вводя в культурное пространство памяти новые сюжеты и образы.

Выводы

Память о советской космонавтике, помещаясь в пространство современного российского кинематографа, получает широкие возможности конструирования художественных интерпретаций прошлого. Однако обобщенное рассмотрение космических фильмов как корпуса социокультурных артефактов позволяет обнаружить определенную тенденцию мемориализации. Образы первого полета в космос, личности Ю. Гагарина и конструктора С. Королева, являясь не только «эмблемами» советской космической программы, но и популярными «местами памяти», в кинопамяти застывают, перестают меняться. Кинофильмы о событиях «зари» космической эры идеализируют прошлое, стремясь соответствовать идеологической линии брутального патриотизма и тем самым «консервируя» образ героического подвига советского человека. Его символическая нормативность, исключая другие векторы социального воображения как искажающие историческую правду, приводит к тому, что в кинематографической оптике помещаются менее насыщенные образами и смыслами эпизоды советской космонавтики более позднего периода. Этот шаг дает возможность создателям фильмов разнонаправленной художественно-выразительной работы по историческому моделированию, которая расширяет пространство интерпретации советской истории. Таким образом, сегодня кинематографическое воображе-

ние создает благодатную почву для семиотического взаимодействия прошлого и настоящего, реальности и симуляции, правды и вымысла в практике памяти об освоении космоса.

Литература

1. Пипия, К. Национальная идентичность и гордость : пресс-выпуск / К. Пипия // Левада-Центр, 2019. – URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>.
2. Память об СССР: Гагарин против Горбачева : аналитический обзор // ВЦИОМ, 2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva>.
3. Бараш, Р. Э. Поиски оснований российского национального самосознания после 2014 г.: контекст фронтальных исследований / Р. Э. Бараш // Журнал фронтальных исследований. – 2018. – № 4. – С. 121–146.
4. Пермякова, А. А. Кинематограф как механизм влияния государственной культурной политики на формирование исторической памяти россиян / А. А. Пермякова // Культурная память и культурная идентичность : материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых (XI Колосницинские чтения). – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. – С. 137–141.
5. Сафронова, Ю. А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти / Ю. А. Сафронова // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 12–31.
6. Логунова, Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы / Л. Ю. Логунова // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 227–253.
7. Рагозина, Т. Э. Культурная память versus историческая память / Т. Э. Рагозина // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – № 3 (15). – С. 12–21.
8. Доронина, С. Г. Социальная структура прошлого: индивидуальная и коллективная память / С. Г. Доронина // Tempus et Memoria. – 2020. – Т. 1, № 1–2. – С. 36–43.
9. On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age / ed. by M. Neiger, E. Zandberg, O. Meyers. – London, UK : Palgrave Macmillan, 2011. – 320 p.
10. Артамонов, Д. С. Медиапамять: теоретический аспект / Д. С. Артамонов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 65–83.
11. Лысова, Н. А. Репрезентация образа прошлого в современных отечественных игровых исторических фильмах / Н. А. Лысова // Философия и культура. – 2020. – № 2. – С. 12–26.
12. Волков, Е. В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти / Е. В. Волков, Е. В. Пономарева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 10 (269). – С. 22–26.
13. Самутина, Н. В. Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино / Н. В. Самутина. – Препринт WP6/2007/01. – М. : ГУ ВШЭ, 2007. – 48 с.
14. Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture / ed. by J. T. Andrews, A. A. Siddiqi. – Pittsburgh, Pa. : Univ. of Pittsburgh press, 2011. – 330 p.
15. Kohonen, I. Picturing the Cosmos: A Visual History of Early Soviet Space Endeavor / I. Kohonen. – Bristol : Intellect, 2017. – 205 p.
16. Gerovitch, S. Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity / S. Gerovitch. – Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2015. – 232 p.
17. Lewis, C. S. From the Cradle to the Grave: Cosmonaut Nostalgia in Soviet and Post-Soviet Film / C. S. Lewis // Remembering the Space Age ; ed. by S. J. Dick. – Washington, DC: National Aeronautics and Space Administration, 2008. – P. 253–270.
18. Majsova, N. Neither Rupture Nor Continuity: Memorializing the Dawn of the Space Age in Contemporary Russian Cinematography / N. Majsova // The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception ; ed. by T. S. Andersen, B. Törnquist-Plewa. – Leiden ; Boston : Brill, 2017. – P. 198–219.
19. Rogatchevski, A. Space Exploration in Russian and Western Popular Culture: Wishful Thinking, Conspiracy Theories and Other Related Issues / A. Rogatchevski // Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies ; ed. by E. Maurer, J. Richers, M. Rüllers, C. Scheide. – Basingstoke, N. Y. : Palgrave Macmillan, 2011. – P. 251–265.
20. Некрасова, Е. Почему первый художественный фильм про Гагарина сняли только сейчас / Е. Некрасова // Online812.ru. – 2013. – URL: <https://online812.ru/2013/06/13/014/>.
21. Мараховский, В. Вместо героя страны – супергерой без страны. К премьере «Гагарин. Первый в космосе» / В. Мараховский // Однако. – 2013. – URL: <http://www.odnako.org/blogs/vmestogeroya-strani-upergeroy-bez-strani-k-premeregagarin-perviy-v-kosmose/>.
22. Рецензии: «Главный» (2015) // Кинопоиск. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/799410/reviews/>.
23. Тищенко, К. «Спутник»: Как создавался первый российский сай-фай триллер / К. Тищенко // Moviestart.Ru. – 2020. – URL: <https://moviestart.ru/2020/04/30/sputnik-kak-sozdavalsya-pervyj-rossijskij-saj-faj-triller/>.
24. Чачелов, А. Где и как снимали фильм «Спутник» / А. Чачелов // Бюллетень кинопрокатчика. – 2020. – URL: http://www.kinometro.ru/technology/show/name/Sputnik_shooting_8853.
25. Первушин, А. Мнение: «Салют-7»: реальная история или фантастика «по мотивам»? / А. Первушин // Мир фантастики. – 2017. – URL: <https://www.mirf.ru/kino/salyut-7-realnaya-istoriya/>.
26. Белик, О. Между нами тварь: Что мы знаем о триллере «Спутник» / О. Белик // Кинопоиск. – 2020. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4001302/>.

Пискунова Александра Евгеньевна – аспирант факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), e-mail: alexpiskunova@mail.ru. ORCID 0000-0002-1928-0722

Поступила в редакцию 17 ноября 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230109

«SCREENING» THE MEMORY OF SOVIET COSMONAUTICS: THE (RE)PRODUCTION OF SPACE IMAGES IN CONTEMPORARY RUSSIAN CINEMA

A. E. Piskunova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

This article is devoted to the analysis of the content and pragmatics of the memory of the Soviet space program in contemporary Russian cinema. The relevance of the problem is connected with the fact that in recent years the «cosmos» has again become a stable object of social imagination and an attractive setting for the mass media. Memories of Soviet cosmonautics feature prominently in modern Russian culture. This article, referring to full-length Russian films of the 2010s, considers the cinematographic representations of the Soviet space past as memory practices. Studying them with an emphasis on the semiotic, narrative, and discursive realities of films and images offers interpretations of the past that are relevant in the concrete historical conditions of socio-cultural production. The materials of the study showed that the film history of Soviet cosmonautics has two memory frames. The heroic image of Soviet cosmonautics embodied in a specific formula of historical cinema produces a kind of restoration of the Soviet patriotic canon turning the image into an inspiring symbol of history. The revision of images of the past also leads to the release of symbolic meanings attached to the Soviet space program, which allows film memory to become not a static snapshot of the past, but a dynamic cultural force.

Keywords: soviet cosmonautics, cosmonaut, images of the past, media memory, film representations, Russian cinema.

References

1. Pipiya K. Natsional'naya identichnost' i gordost' [National Identity and Pride]: press-vypusk // *Levada-Tsentr*, 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>.
2. Pamyat' ob SSSR: Gagarin protiv Gorbacheva [Memory of the USSR: Gagarin vs. Gorbachev]: analiticheskiy obzor // *VTsIOM*, 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva>.
3. Barash R.E. Poiski osnovaniy rossiyskogo natsional'nogo samosoznaniya posle 2014 g.: kontekst frontirnykh issledovaniy [The Process of Search of the Foundations of the Russian National Identity after the 2014: the Context of the Frontier Studies] // *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2018. № 4. S. 121–146.
4. Permyakova A.A. Kinematograf kak mekhanizm vliyaniya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na formirovanie istoricheskoy pamyati rossiyan [Cinematography as a Mechanism of Influence of State Cultural Policy on Constructing the Historical Memory of Russian People] // *Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost'*: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh (XI Kolosnitsynskie chteniya). Ekaterinburg: Ural'skiy federal'nyy universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 2016. S. 137–141.
5. Safronova Y.A. Tret'ya volna memory studies: Dvadsat' tri goda protiv shersti [The Third Wave of Memory Studies: Going against the Grain for Twenty-Three Years] // *Politicheskaya nauka*. 2018. № 3. S. 12–31.
6. Logunova L.Y. Istoricheskaya i sotsial'naya pamyat': paradoksy i smysly [Historical and Social Memory: Paradoxes and Implications] // *Idei i idealy*. 2019. T. 11, № 1. S. 227–253.
7. Ragozina T.E. Kul'turnaya pamyat' versus istoricheskaya pamyat' [Cultural Memory versus Historical Memory] // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2017. № 3 (15). S. 12–21.
8. Doronina S.G. Sotsial'naya struktura proshlogo: individual'naya i kollektivnaya pamyat' [Social Structure of the Past: Individual and Collective Memory] // *Tempus et Memoria*. 2020. T. 1, № 1–2. S. 36–43.
9. On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age / ed. by M. Neiger, E. Zandberg, O. Meyers. Palgrave Macmillan, 2011. 320 p.
10. Artamonov D.S. Mediapamyat': teoreticheskiy aspekt [Media Memory: Theoretical Aspect] // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. T. 4, № 2. S. 65–83.

11. Lysova N.A. Representatsiya obraza proshlogo v sovremennykh otechestvennykh igrovyykh istoricheskikh fil'makh [Representation of the Image of the Past in Modern Domestic Historical Feature Films] // *Filosofiya i kul'tura*. 2020. № 2. S. 12–26.
12. Volkov E.V., Ponomareva E.V. Igrovoe kino kak istoricheskiy istochnik dlya izucheniya kul'turnoy pamyati [Fiction Film as a Historic Source for the Studying of Cultural Memory] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 10 (269). S. 22–26.
13. Samutina N.V. Ideologiya nostal'gii: problema proshlogo v sovremennom evropeyskom kino [Ideology of Nostalgia: Problem of the Past in Contemporary European Cinema]. Preprint WP6/2007/01. HSE University, 2007. 48 p.
14. Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture / ed. by J.T. Andrews, A.A. Siddiqi. Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh press, 2011. 330 p.
15. Kohonen I. Picturing the Cosmos: A Visual History of Early Soviet Space Endeavor. Intellect, 2017. 205 p.
16. Gerovitch S. Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity. University of Pittsburgh Press, 2015. 232 p.
17. Lewis C.S. From the Cradle to the Grave: Cosmonaut Nostalgia in Soviet and Post-Soviet Film // *Remembering the Space Age*; ed. by S.J. Dick. National Aeronautics and Space Administration, 2008. P. 253–270.
18. Majsova N. Neither Rupture Nor Continuity: Memorializing the Dawn of the Space Age in Contemporary Russian Cinematography // *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*; ed. by T.S. Andersen, B. Törnquist-Plewa. Brill, 2017. P. 198–219.
19. Rogatchevski A. Space Exploration in Russian and Western Popular Culture: Wishful Thinking, Conspiracy Theories and Other Related Issues // *Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies*; ed. by E. Maurer, J. Richers, M. Rütters, C. Scheide. Palgrave Macmillan, 2011. P. 251–265.
20. Nekrasova E. Pochemu pervyy khudozhestvennyy fil'm pro Gagarina snyali tol'ko seychas [Why the First Feature Film about Gagarin Was Shot Only Now] // *Online812.ru*. 2013. URL: <https://online812.ru/2013/06/13/014/>.
21. Marakhovskiy V. Vmesto geroya strany – supergeroy bez strany. K prem'ere «Gagarin. Pervyy v kosmose» [Instead of a Country Hero, is a Superhero without a Country. To the Premiere of «Gagarin. The First in Space»] // *Odnako*. 2013. URL: <http://www.odnako.org/blogs/vmesto-geroya-strani-upergeroy-bez-strani-k-premere-gagarin-perviy-v-kosmose/>.
22. Retsenzii: «Glavnyy» (2015) [Reviews: «Main» (2015)] // *Kinopoisk*. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/799410/reviews/>.
23. Tishchenko K. «Sputnik»: Kak sozdavalsya pervyy rossiyskiy say-fay triller [«Sputnik»: How the First Russian Sci-Fi Thriller Was Created] // *Moviestart.Ru*. 2020. URL: <https://moviestart.ru/2020/04/30/sputnik-kak-sozdavalsya-pervyj-rossijskiy-saj-faj-triller/>.
24. Chachelov A. Gde i kak snimali fil'm «Sputnik» [Where and How the Film «Sputnik» Was Shot] // *Bulleten' kinoprokatchika*. 2020. URL: http://www.kinometro.ru/technology/show/name/Sputnik_shooting_8853.
25. Pervushin A. Mnenie: «Salyut-7»: real'naya istoriya ili fantastika «po motivam»? [Opinion: «Salyut-7»: a Real Story or Fiction «Based on»?] // *Mir fantastiki*. 2017. URL: <https://www.mirf.ru/kino/salyut-7-realnaya-istoriya/>.
26. Belik O. Mezhdu nami tvar': Chto my znaem o trillere «Sputnik» [There's a Creature between Us: What We Know about the Thriller «Sputnik»] // *Kinopoisk*. 2020. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4001302/>.

Alexandra E. Piskunova – Postgraduate Student of the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg), e-mail: alexpiskunova@mail.ru

Received November 17, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Пискунова, А. Е. «Экранизация» памяти о советской космонавтике: (вос)производство образов в современном российском космическом кино / А. Е. Пискунова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 73–80. DOI: 10.14529/ssh230109

FOR CITATION

Piskunova A. E. «Screening» the Memory of Soviet Cosmonautics: the (Re)Production of Space Images in Contemporary Russian Cinema. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 73–80. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230109